

ВСЕГДА В АТАКУЮЩЕМ СТРОЮ

К 60-летию С. В. МИХАЛКОВА

ЧАСТО мы говорим о ком-то: «человек счастливой судьбы» и забываем при этом, что судьбу свою человек делает сам.

К людям счастливой судьбы я отношу моего друга Сергея Владимировича Михалкова, которому 12 марта исполнится 60 лет. Я помню, как мы отмечали его первую юбилейную дату. С тех пор прошло десять лет, но я не вижу, чтобы он в облике своем изменился на целое десятилетие. Он все тот же, всегда захвачен какой-то новой идеей, замыслом нового произведения или в хлопотах о своих собратьях по перу. И всегда веселый и жизнерадостный. Часто, глядя на Михалкова, на его жизнерадостность, отмечаемую всеми, кто знает его, я думаю, что таков он, быть может, не столько для себя, сколько для других. Человеку свойственно заражаться настроением другого. И заражать жизнерадостностью — это как бы вещественное проявление гуманизма, конкретное воплощение идеи любви к ближнему, то есть того, что составляет суть и основу искусства вообще.

Михалков бесстрашно талантлив. И талантливость его внутри него, в его позиции в литературе, в политике, в жизни. Позиция писателя — не костюм в универсальном магазине — можно зайти, примерить, купить. Позиция писателя — это он сам. И поэтому, когда мы встречаемся с Михалковым — писателем, публицистом, общественным деятелем, во всех его проявлениях мы видим его позицию художника-коммуниста, бойца партии. Ни что не дает силу более мощную, чем сознание абсолютной правоты своего дела, это и превращает произведение искусства в могучее орудие борьбы за добро.

Я почти на десять лет моложе Михалкова, но я уже воспитывался на его книгах. Дело в том, что Михалков никогда не был старым, но он никогда не был и «молодым», начинающим писателем в обычном понимании. Он вошел в литературу сразу, вошел со своим видением мира, хорошо зная, чего он хочет от этого мира. Михалков как личность и как писатель в его 30 лет был уже сложившимся художником.

Этот писатель, который пользуется любовью народной, читаем народом. Для того, чтобы быть таким писателем, безусловно, нужно ставить в своих произведениях проблемы, волнующие народ.

У Сергея Владимировича есть свойство смотреть в корень вещей. Корнем любого народа являются дети. Ведь усложнение, разветвление человеческого видения мира начинается с детского возраста. В ребенке — будущий человек. И Михалков всю силу своего огромного дарования обратил в сторону детства. У калмыков есть пословица: хорошего скакуна видно в жеребенке, хорошего человека — в ребенке. Детский возраст — это прекрасный возраст. Дети легко воспринимают влияние извне. Мы рождаемся на свет с чистыми листами памяти, и очень важно, какими мыслями, ка-

кой мудростью будут заполнены эти чистые листы. И, вероятно, никто не станет отрицать, что листы памяти многих поколений заполнены добрыми словами Сергея Владимировича Михалкова. Для достижения поставленной перед собой цели — воспитания человека, и не вообще человека, но человека советского, Михалков пользуется всеми средствами своего многогранного, блестящего таланта. Он — поэт, он — публицист, он — дра-

матург, киносценарист, либретист, прозаик. И в любом жанре творения Михалкова не проходят бесследно. Они остаются в рядах лучших образцов.

Тут бы мне хотелось сказать о Михалкове-драматурге. Одна из его первых пьес — «Том Кенти», поставленная в детском театре, сразу обратила внимание на эту сторону его таланта. «Принц и нищий» — знаменитая повесть Марка Твена, на основе которой он написал эту пьесу, как бы стала произведением самого Михалкова. И мы увидели события и образы повести в преломлении советского писателя. Принц в этой пьесе — не просто добрый, но ничего не умеющий делать мальчишка. Он деспот, тиран, он видел, как беден и унижен народ, и все же приказал увеличить налоги. И образ Тома тоже несколько иной, чем в повести Твена. Михалков намеренно обостряет углы, он выпукло, но не навязчиво, а средствами подлинного искусства открывает детям разные стороны жизни, демонстрирует сложность, многообразие, неодинаковость мира.

Михалков-драматург работает успешно и много. Такие его пьесы, как «Красный галстук», «Я хочу домой» и другие, становились явлением, привлекали внимание и детей, и взрослых, входили в народное сознание. Пьеса «Я хочу домой» открыто публицистична и почти документальна. И тут я хотел бы подчеркнуть, что пьесы Михалкова, которые кажутся написанными легко, потребовали от автора огромного труда. Он собирал материал, он изучал его. Он выступал в первой стадии работы как исследователь. И только после того, как овладевал огромным материалом, Михалков начинал работу. И поэтому вещь обретала убедительность, достоверность факта.

Самуил Яковлевич Маршак любил повторять, что хорошая детская книга будет действительно хорошей только тогда, когда она станет читаться с увлечением и детьми, и взрослыми. В противном случае такую оценку дать книжке нельзя. Михалков пишет как раз согласно этому требованию. Действительно, его стихи, адресованные даже дошкольникам, с огромным удовольствием, с наслаждением читаются взрослыми. И пьесы, написанные для театра детского, с волне-

нием смотрятся не только детьми, но и родителями этих детей. Они будят высокие мысли и пламенные чувства.

Этим объясняется чрезвычайная популярность самого автора. Я не один раз своими глазами видел любовь читателей к Михалкову, выраженную в аплодисментах, в требованиях, чтобы он читал, читал и еще читал.

Михалков остроумен. В данном случае в это слово я хотел бы вложить остроту лезвия, остроту кинжала, ту остроту, которая отсекает и пошлость, и подлость, и все низкое, что мешает нашей жизни. Здесь я прежде всего имею в виду его знаменитые басни. После великого Крылова этот жанр был великолепно продолжен в творчестве советских поэтов: Маяковским, Демьяном Бедным и в их ряду — Сергеем Михалковым. Редчайший дар баснописца делает Михалкова опасным для тех, кто работает или пытается работать в этом жанре. Как после высоты, взятой Валерием Брунелем, другим прыгунам было трудно чего-то достичь, так и после басен Михалкова мне не то что было бы неинтересно читать басни других, но, прочитав их, я вижу ту высоту, которую взял Михалков. Я поражаюсь его умению в короткой басне вместить сюжет и идею целого романа. Вспомним его басню «Лев и ярлык». На малой площади мы видим характеры, движение характеров, количественное накопление всего того, что вдруг дает новое качество: лев, который закричал по-ослиному. Я не хочу перечислять все его басни, они широко известны. Я лишь хочу отметить особенность таланта Михалкова, сделавшую его чрезвычайно популярным в народе.

Михалков удостоен самой высокой награды — Ленинской премии за работу в области детской литературы. Но я полагаю, что эта область не имеет границ, на которых стоят часовые, преграждая вход в другую, соседнюю область. Вспоминаю, с каким удовольствием я читал его маленькую повесть «Праздник непослушания» напечатанную в журнале «Новый мир». Здесь я для себя делал открытие тайны рождения сказки. И удивлялся знанию характера и ребенка, и взрослого во всех мельчайших деталях, нюансах. Потом я видел фильм, сценарий которого был написан по этой повести. И опять удивлялся умению Михалкова вынести самое важное, зрительное на экран. Разумеется, зрительное, которое выражает основную идею произведения. Я не обнаруживал тех потерь, которые в довольно большом количестве обычно встречаются при экранизации. Я даже склонялся к мысли, что, может быть, они неизбежны. Но Михалков доказал, что это не так. И уж раз речь зашла о кино, то я непременно

хотел бы сказать и о тех коротеньких фильмах, что появляются перед началом сеанса, когда на экране возникает стремительное слово — «Фитиль». Я часто слышал, выходя из кинотеатра, как говорили зрители: «На картину можно было бы и не ходить, если бы не «Фитиль». Всем известно, что главным редактором этого популярнейшего сатирического журнала является Сергей Владимирович Михалков. Но я хочу напомнить, что он является и автором идеи самого «Фитиля». Это его детище, и всякий раз, когда передо мной на экране быстро раскручивается слово «Фитиль», я зрительно представляю облик Сергея Владимировича. Он отдает огромное количество времени и душевной энергии этому любимому своему, беспокойному созданию. Помню, когда вышел первый полнометражный «Фитиль», Сергей Владимирович пригласил в честь этого события друзей на чашку чая к себе домой. И я, наблюдая за ним, видел, как он им лично глубоко заинтересован, может быть, не в меньшей степени, чем судьбами пьесы, поэмы или другого своего произведения. Я тогда думал, что, видимо, в любом деле, если отсутствует вот эта личная заинтересованность, если отсутствует энергия души, которая только и воспламеняет произведение, ничего невозможно достичь, и всякий успех тогда противоположен. «Фитиль» стал популярным, получил всенародное признание. И в данном случае скальпель хирурга оказался в руках первоклассного мастера.

О Михалкове можно говорить много и хорошо. Потому что его творчество охватывает многообразие жизни советского народа. Он как писатель всегда в центре самых важных событий в жизни народа, и это дает ему возможность творить высокохудожественные, выдающиеся произведения, отражающие жизнь народа.

Не могу не сказать об общественной деятельности Михалкова: он депутат Верховного Совета СССР, действительный член Академии педагогических наук СССР, секретарь правления Союза писателей СССР и председатель правления Союза писателей РСФСР. Будучи секретарем правления Союза писателей РСФСР, я вижу, как много энергии, душевных сил он отдает работе писательской организации Российской Федерации, организации, прямо скажем, огромной. От забот о первых стихах молодого поэта до работы издательства журналов — все это проходит через его мысли, через его душу, и главная его забота — о творчестве каждого писателя, забота о книге. Я удивляюсь его работоспособности. Но я почти убежден, что если бы не это огромное поле деятельности, то, может быть, и не было бы его такого, каков он есть. Ведь если огонь не дает гореть, огонь гаснет. И поэтому, заканчивая слово свое, я желаю юбиляру и своему другу горения, горения и горения, чтобы высший свет огня его вдохновения многие, многие годы радовал всех нас, его читателей.

8 МАР 1973

Михалков